

— Цзянчэн отсюда не близко, — староста вынул новый сверток табака и затолкал его в трубку, — наша деревня Паньлун отрезана от мира, мы почти не контактируем с внешним миром. Тебя прибило к берегу рекой, вот мы и увидели. Это знак небес. Если хочешь уйти — не стану удерживать.

Мать Ливы укоризненно воскликнула:

— Отец!

— В Цзянчэне, видно, у него есть те, о ком он сильно беспокоится. Здесь ему не усидеть.

Мать Ливы замолчала.

— Я могу подготовить для тебя лошадь и провизию. Сколько бы ты ни спешил, подожди до завтрашнего утра.

Пэй Чоу помедлил и сказал:

— Просто сейчас у меня при себе ничего нет...

Староста рассмеялся:

— Мы, паньлунцы, верим в небесных духов. Раз уж река Тучуань принесла тебя на нашу землю, значит, это судьба, ты наш друг. А между друзьями внешнее не должно иметь значения.

Пэй Чоу не мог встать с постели, поэтому лишь сидя поднял руки и совершил почтительный поклон, сказав хрипло:

— Благодарю...

На следующий день, когда первые лучи солнца осветили деревню Паньлун, Пэй Чоу с помощью старосты взобрался на лошадь.

Его нынешнее состояние всё ещё с трудом позволяло управлять лошастью. Семья старосты, глядя на его бледное лицо, с которого градом катился холодный пот, всерьёз опасалась, что в следующее мгновение он свалится с седла.

Стиснув зубы от боли, Пэй Чоу из последних сил выпрямился в седле и несколько раз обмотал поводья вокруг руки, чтобы не упасть, если потеряет управление.

Староста вернул ему Линцзюнь:

— Меч у тебя отличный. В молодости я тоже много странствовал, видел немало хорошего оружия. Осмелюсь сказать, в нынешнем мире нет мастера, способного выковать такой клинок.

Пэй Чоу мог лишь ответить бледной улыбкой.

— Ступай. Деревня Паньлун всегда рада тебе, мой друг.

— Прощайте, — поблагодарив, Пэй Чоу направил лошадь по указанной старостой дороге.

Пэй Чоу опасался, что раны вновь откроются и только задержат путь, поэтому ехал полдня, затем отдыхал. До городских ворот Цзянчэна добрался лишь через три дня.

Скрывшись за городской стеной, Пэй Чоу слез с лошади. Использовать цигун он не мог, поэтому рискнул проникнуть в город через знакомый сточный канал.

Он направился напрямиком в управу.

У ворот управы стояло всего два гарнизонных солдата — вчетверо меньше обычного. Пэй Чоу не стал вникать в причины таких перемен и, воспользовавшись их небрежностью, проскользнул во внутренний двор управы, напрямиком в покои верховного цензора.

Но верховного цензора в комнате не было. Обыскав весь внутренний двор, Пэй Чоу не нашёл не только его — весь двор оказался пуст.

Сердце Пэй Чоу забилося всё чаще, от растерянности он наступил на лежавший на земле стальной меч. Стражи у входа услышали шум и двинулись на звук.

Пэй Чоу хотел отступить, но краем глаза заметил уголок небесно-синего цвета рядом с клинком. В его глазах медленно поселился страх.

Страж уже готов был завернуть за угол и столкнуться с Пэй Чоу лицом к лицу.

Внезапно сзади протянулась рука, закрыла Пэй Чоу рот и оттащила его прочь.

Спустя мгновение, в тюрьме управы.

У Чуань, увидев сочащуюся из Пэй Чоу кровь, воскликнул:

— Ты ранен? — Тут же достал средство от ран, которое можно носить при себе, и принялся стаскивать с Пэй Чоу одежду.

Пэй Чоу позволил ему действовать, ошеломлённо спросив:

— Что вообще произошло? Где верховный цензор?

У Чуань на мгновение замер, молча обрабатывая рану.

Пэй Чоу схватил его за руку, из флакона высыпалось немного порошка, и он, с покрасневшими глазами, произнёс:

— Если знаешь — скажи мне!

У Чуань наконец поднял на него взгляд и хрипло заговорил.

В небе грянул раскат грома, прокатившийся над пустынными окрестностями Цзянчэна и в сердце Пэй Чоу.

Он, пошатываясь, побежал к пустынному склону.

Раны, намкнув под дождём, вновь открылись, на теле проступили кровавые полосы.

Пэй Чоу, словно не чувствуя боли, взбежал на склон, нашёл участок со свежими следами земли и, упав на колени, отчаянно стал разгребать её руками.

— Нет, нет, нет... Не может быть... Этого не может быть...

Волосы, намокшие под дождём, беспорядочно прилипли к его лицу, а в сочетании с кровью и грязью на теле — вид был более чем жалкий.

У Чуань стоял под деревом неподалёку и наблюдал за ним, в его глазах тоже стояла пелена.

Он увидел, как Пэй Чоу внезапно замер, всё тело задрожало, а затем бессильно рухнул в грязь.

Подойдя ближе, он увидел, что в земле был закопан человек, сейчас была видна лишь рука.

Та рука была нежной и гладкой, между указательным и средним пальцами — тонкая мозоль от долгого держания кисти, явно рука учёного чиновника.

В руке был зажат сломанный короткий меч.

Этот короткий меч Пэй Чоу вручил ему собственноручно.

Молодой столичный чиновник распластался на земле, рыдая в голос.

Ливень не утихал ни на мгновение, безжалостно хлеща вниз, но и он не мог смыть и части этой муки.

К рассвету дождь наконец прекратился.

Пэй Чоу насыпал новый могильный холм, снял верхнюю одежду, завернул в неё верховного цензора и перенёс туда.

Он ещё немного постоял на коленях перед могилой, затем, дрожа, поднялся.

У Чуань не смел ему мешать, лишь сопровождал.

Глаза Пэй Чоу были полны кровавых прожилок, лицо белое как бумага. Он стоял на склоне, вглядываясь вдаль, в сторону Цзянчэна.

Внезапно спросил:

— Ты искал старшего брата У и остальных?

У Чуань кивнул:

— Вчера, как только нас выпустили, я украдкой пошёл в укрытие. Но там уже давно никого не было. Не знаю, почувствовали ли они неладное и сбежали, или...

У Чуань не посмел продолжать, глаза уже налились краской.

Пэй Чоу дёрнул за бинт, прилипший к ране на талии, и боль мгновенно протрезвила его.

— Пошли!

Не смирившись, Пэй Чоу повёл У Чуаня, обходя повсюду патрулирующих гарнизонных солдат, и снова направился в укрытие.

Прежние навесы были повалены, некоторые сожжены, на земле — множество следов, после сильного дождя совершенно невозможно было разобрать направление.

Пэй Чоу искал и вдруг наступил на что-то, ему что-то попало под ногу.

Наклонившись, он увидел втоптанную в грязь конфету.

Сердце Пэй Чоу пропустило удар.

Он слегка отвёл взгляд и увидел неподалёку ещё одну конфету.

Так, присев на корточки, Пэй Чоу перемещался дальше.

Конфеты, одна за другой, неровной вереницей вели в одном направлении. С высоты взрослого человека их было не разглядеть, если не присматриваться.

У Чуань, видя его странное поведение, недоумевал, но последовал за ним.

Конец конфетной дорожки лежал у небольшого холмика.

Когда-то Иньсинь говорила, что любит кроликов и хочет побывать у них в гостях. Как раз за укрытием был небольшой склон. Как-то раз, гуляя с ней поблизости, Пэй Чоу обнаружил у подножия холма естественную небольшую пещеру. Вход полностью скрывали травы в половину человеческого роста, а с холма свисали лианы, полностью заслоняя вход.

Иньсинь хотела заглянуть внутрь пещеры, но Пэй Чоу, опасаясь змей и насекомых, велел ей не заходить.

После этого они сюда больше не приходили.

Пэй Чоу почти затаил дыхание, раздвинул спутанные лианы.

Он увидел внутри лежащую маленькую фигурку, вся в травинках, животик плавно поднимался и опускался — казалось, она крепко спала.

Пэй Чоу глубоко вдохнул, чуть не заплакав.

Осторожно вынул её, снял паутину и травинки с одежды.

У Чуань тоже не мог сдержать волнения, беспрестанно звал:

— Иньсинь, Иньсинь! Я брат! Иньсинь, посмотри, это брат!

Иньсинь сонно открыла глаза, казалось, очень устала. Увидев, что её держит Пэй Чоу, сразу же расплылась в улыбке:

— Братец вернулся...

Пэй Чоу изо всех сил выдавил улыбку:

— Да, братец вернулся, — указал на У Чуаня, — маленькая Иньсинь, посмотри, кто это?

Иньсинь сонно повернула голову, долго разглядывала У Чуаня и, наконец, будто узнав, тихо вскрикнула:

— Братец!

У Чуань заплакал от радости.

Иньсинь вдруг расплакалась:

— У-у-у, братец, где ты был все эти дни? Иньсинь и мама очень по тебе скучали, мама каждый день вспоминала, говорила, что зимняя одежда, которую она тебе сшила в прошлом году, уже стала старой, у-у-у...

У Чуань поспешил взять её на руки, похлопывая по спинке, успокаивал:

— Братец виноват, братец плохой. На этот раз братец вернулся и больше никогда не уйдёт, ладно, Иньсинь, хорошая...

Пэй Чоу сорвал на склоне цветочек и отдал Иньсинь, не удержавшись, спросил:

— Иньсинь знает, куда ушли папа и мама, и другие дяди и тётки?

Иньсинь крепко обняла У Чуаня за шею, подумала, надула губки:

— Вчера много солдат-дядей пришли к нам домой, злые-презлые, велели всем идти с ними. Папа и мама отнесли меня в домик к кроликам, сказали поиграть со мной в прятки, велели не шуметь. Если я выиграю, они придут за мной.

<http://bllate.org/book/15464/1368217>